

О ПОЯВЛЕНИИ ЗАМКОВ И КЛЮЧЕЙ В ДРЕВНЕЙ РУСИ

© 2016 г. А.А. Кудрявцев

Институт археологии РАН, Москва (a-kudravtsev@yandex.ru)

Появление первых замков и ключей на территории Древнерусского государства можно отнести к рубежу IX–X вв., что связано с началом активных славяно-скандинавских контактов и оседанием норманнов в ряде торгово-ремесленных поселений, расположенных по маршруту торгового пути “из варяг в греки” (Новгородское городище, Гнездово). Наиболее ранние их находки происходят из раскопок Земляного городища Старой Ладogi и курганов, исследованных в Юго-Восточном Приладожье (Усть-Рыбежно) и Ярославском Поволжье (Тимеревский могильник). Находки рассматриваемых изделий на поселениях немногочисленны, в этот период замки и ключи еще не так широко применялись в хозяйстве древнерусского населения. Начало их использования на территории Древней Руси – часть процесса формирования древнерусской материальной культуры и связано с североευропейским влиянием.

Ключевые слова: замки, ключи, Древнерусское государство, торгово-ремесленные поселения, могильники, погребения.

В быту восточных славян накануне образования Древнерусского государства замки и ключи не применялись. В разнообразный перечень кузнечных изделий разных археологических культур, относимых к славянским, замки и ключи не входят. По всей видимости, в этот период и не существовало особой необходимости в подобных изделиях, когда основной массив населения был сосредоточен на небольших неукрепленных поселениях и городищах, а уровень социальной дифференциации еще не достиг такой черты, чтобы возникла потребность как-то закрывать свое жилище и скрывать таким образом имущество.

Примитивные формы нутряных замков и ключей начали использовать еще в Древнем Египте. Навесные замки, вероятно, были изобретены кельтами, древнейшие из известных находок относятся к середине латенского времени (Czarnecka, 2013. P. 69). Высокий уровень производства замков был достигнут в период расцвета Римской империи, что выразилось в многообразии и сложности форм этих изделий, а также в их широком распространении даже в самых отдаленных провинциях, например, в Британии.

В первой половине I тыс. н.э. находки замков и ключей встречаются и за пределами Римской империи. Они выявлены при раскопках поселений и погребений пшеворской (некрополи Конин, Карчевец) и черняховской (Будештский, Косановский, Спанцевский могильники) культур (Седов, 1979. С. 92).

На поселениях черняховской культуры (Рипнев, Черепнин, Собарь) выявлены железные навесные замки с пружинным механизмом и коленчатые ключи к ним, а также якоревидные ключи к нутряным замкам (Магомедов, 2001. С. 85. Рис. 80, 2, 4, 5). В женских погребениях черняховской культуры иногда встречаются детали врезных замков для ларцов.

Более характерны находки замков и ключей для урновых погребений пшеворской культуры. В могильнике Млодзиково выявлено 28 замков и 22 ключа, в Хоруле – 18 замков и 14 ключей (Седов, 1979. С. 64. Табл. 2).

Большинство этих изделий местного производства, но технические решения были заимствованы из римской традиции (Charnecka, 2013. P. 72).

С упадком Римской империи, миграций населения в эпоху Великого переселения народов и последующей сменой археологических культур, замки и ключи уже не использовались в хозяйстве населения Центральной и Восточной Европы. При археологических исследованиях поселений и погребений пражско-корчакской, пеньковской, колочинской и других археологических культур, относимых к славянским, эти изделия не зафиксированы.

Появление первых замков и ключей на территории Древнерусского государства можно отнести к рубежу IX–X вв., что связано с началом активных славяно-скандинавских контактов и оседанием норманнов в ряде торгово-ремесленных поселе-

ний, расположенных по маршруту торгового пути “из варяг в греки”.

В самой Скандинавии начало использования замков и ключей отмечено еще в конце вендельской эпохи (VI–VIII вв.). Наиболее же ранние находки этих изделий зафиксированы при археологических исследованиях Хельго. Оно представляло собой серию разновременных поселков и могильников IV–VIII вв., расположенных на о. Хельго, на оз. Меларен. Всего на поселениях Хельго найдено 80 замков (Tomtlund, 1970. P. 247).

Ряд находок из Хельго указывает на его обширные связи с Британией, которые без перерывов прослеживаются с IV в. н.э. (Holmqvist et al., 1961. P. 34). По всей видимости, в ходе именно этих связей ряд таких технологических приемов, как, например, принцип расхождения пружин, использовавшийся в навесных замках римского времени, был заимствован скандинавскими кузнецами.

Однако в этот период замки были распространены и в Центральной Европе. Возможно, схожий импульс для зарождающегося замочного ремесла в Скандинавии принесли и схожие контакты с германскими племенами Центральной Европы, чья материальная культура испытывала позднеримское влияние, что, в частности, выразилось и в распространении замков и ключей на территории их расселения.

Во всяком случае ряд ключей и замков Хельго, относящихся к раннему этапу его существования, аналогичен изделиям, происходящим из погребений германских племен Центральной Европы, датирующихся временем эпохи Великого переселения народов (Tomtlund, 1978. P. 12).

Очевидно, что появление в Скандинавии кубических замков с Т-образной прорезью связано исключительно с местной традицией, несмотря на то, что при работе его механизма использовался принцип расхождения пружин (рис. 1, 2). Цилиндрический замок с аналогичным отверстием для ключа появляется в Северной Европе позже (рис. 1, 1), при этом находки подобных замков в Скандинавии довольно редки. Возможно, он является результатом некоего синтеза традиций замочного ремесла, так как подобная форма корпуса была характерна и во времена Римской империи. Последующие же типы цилиндрических замков (XI–XIII вв.) с отверстием для ключа в донце или нижней части большого цилиндра и коленчатым ключом к ним напрямую ведут своими истоками в античность. Схожи они и с навесными замками черняховской и пшеворской культур, несмотря на такой значительный временной промежуток между ними.

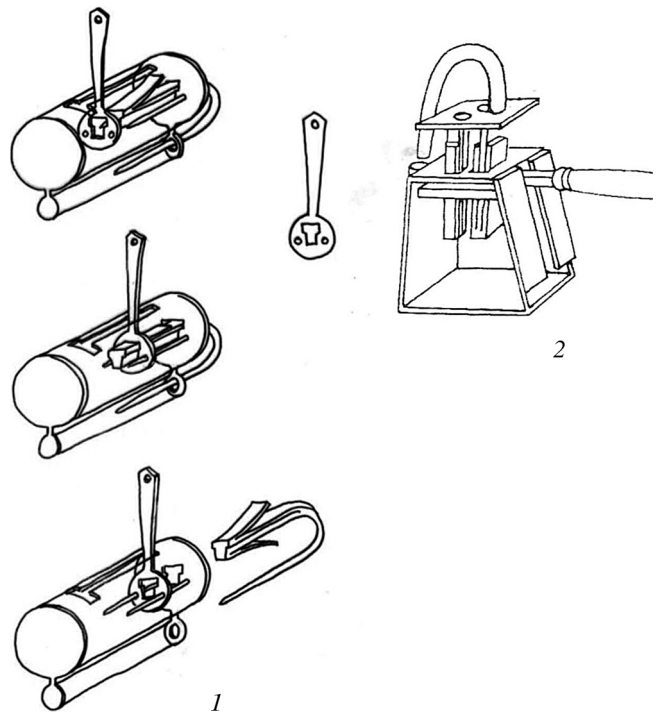

Рис. 1. Реконструкции схемы работы механизмов навесных кубических (2) и цилиндрических (1) замков с Т-образной прорезью (по: Ottoway, 1992).

Помимо своего основного бытового назначения замки и ключи играли и символическую роль, о чем свидетельствует тот факт, что их начинают помещать в погребения. Ключи более характерны для женских погребений. Это, по всей видимости, связано с тем, что скандинавские женщины носили их на поясе или на цепочке, прикрепленной к одной из фибул. Во многом их распространение связано и с широким использованием ларцов, которые начинают помещать в погребения уже в вендельскую эпоху (Лебедев, 1985. С. 41), они служат признаком высокого социального статуса погребенного.

Миниатюрные размеры навесных замков этого периода указывают на то, что они могли использоваться только в качестве запоров для сундуков и ларцов, но при этом они не были надежными устройствами. Помимо небольших размеров их характеризуют тонкие пластины корпуса, маленькая толщина пружины (менее 2 мм), что подтверждает их более символическое значение, чем практическое. Начало использования подобных замков обозначает наступление времени, когда некоторые люди получают право ограничивать доступ другим к определенным предметам и местам, что указывает на начало социальной дифференциации в ранне-средневековом обществе.

В качестве запоров для сундуков использовались также и нутряные замки, о чем свидетельствуют

находки их деталей, пружин и засовов (Westphalen, 2002. S. 192).

Начавшееся проникновение скандинавов на территорию Восточной Европы в IX–X вв. совпадает с началом использования замков и ключей в Древней Руси. Аналогичные скандинавским типам изделия этой категории были найдены при археологических исследованиях многих древнерусских поселенческих и погребальных памятников, где зафиксировано присутствие норманнов.

Прежде всего, это описанные выше навесные призматические замки с Т-образной прорезью на корпусе и ключи с плоской прямоугольной лопастью, имеющей незавершенный периметр. По классификации Я.-Е. Томтлунда, разработанной по материалам раскопок Хельго, описанные выше замки относятся к типу 2. Их появление отмечено в вендельский период, но наиболее распространены они были в эпоху викингов (Tomtlund, 1978. P. 10).

По этой причине рядом исследователей эти изделия были отнесены к предметам скандинавского происхождения (Пушкина, 1981. С. 185; Голубева, Кочуркина, 1991. С. 107; Леонтьев, 1996), при этом С.Д. Захаров высказывал сомнение в возможности использования их в качестве индикатора этнической принадлежности, отмечая скорее их общий североευропейский характер, чем скандинавский (Захаров, 2004. С. 112).

Вместе с указанными типами навесных замков на территории Древней Руси появляются коленчатые ключи с зубцами. Б.А. Колчин, основываясь на данных этнографии, полагал, что они могут относиться только к деревянным запорам (1959. С. 85). В зарубежной историографии они интерпретируются и как ключи к цельнометаллическим замкам от ларцов. На основе находок деталей таких запоров в разных североευропейских торгово-ремесленных поселениях разработаны реконструкции работы их механизма (Ottoway, 1992. P. 660. Fig. 282).

В некоторых погребениях Бирки подобные ключи выявлены вместе с фрагментами внутренних замков (Arbman, 1943. Taf. 267, 1, 3). В кургане 422 Тимеревского могильника, содержащем женское погребение, найден ключ с зубцами вместе с замочной личиной (Фехнер, 1961. Рис. 68; 1963. С. 125). Представляется, что в рассматриваемый период замки использовались преимущественно в качестве запоров от сундуков и ларцов (рис. 2, 1–3).

Самые ранние их находки на территории Древнерусского государства зафиксированы при раскопках Земляного городища Старой Ладogi. В напластованиях, относящихся к микрогоризонту Е3,

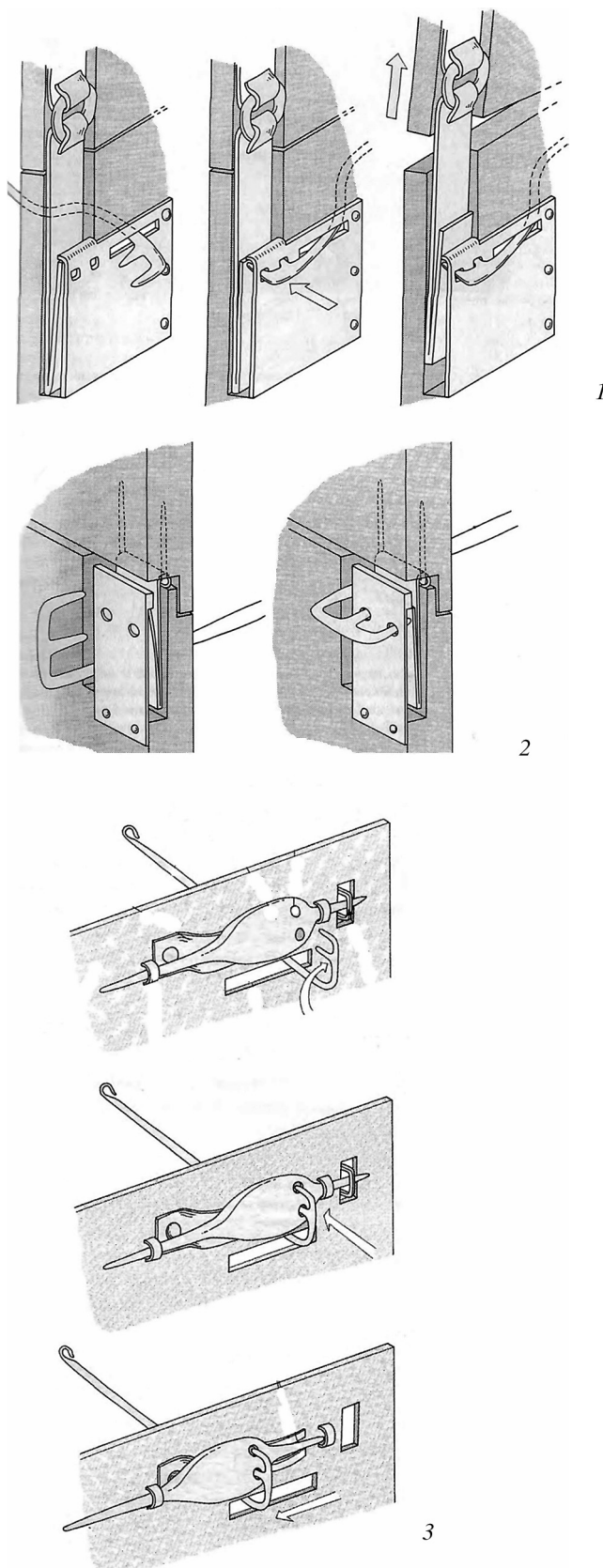

Рис. 2. Реконструкции схемы работы механизмов (1–3) внутренних сундучных замков (по: Ottoway, 1992).

датирующемся второй половиной VIII в., выявлены ключи и детали замков (Рябинин, 1984. С. 24).

В рассматриваемый период замки и ключи характерны для крупных торгово-ремесленных поселений и особенно там, где, как отмечено выше, были зафиксированы следы присутствия скандинавов (Новгородское (Рюриково) городище, Гнездово). С первой половины X в. эти изделия начинают помещать в погребения, по всей видимости, под влиянием скандинавской традиции.

Свод древнерусских погребений с замками и ключами был выполнен Н.А. Макаровым, в основном они датируются X–XI вв. (1978. С. 14). Наиболее ранние погребения с рассматриваемыми изделиями на территории Древней Руси выявлены в курганных могильниках Юго-Восточного Приладжья и Ярославского Поволжья.

В кургане 19 в Усть-Рыбежно (раскопки Н.Я. Бранденбурга в Юго-Восточном Приладжье) зафиксированы следы мужского сожжения в ладье с мечом, копьем, разными бытовыми предметами, среди которых был и кубический замок. Погребение скандинавское, датируется концом IX – началом X в. (Кочкуркина, 1989. С. 105, 106).

В кургане 394 Тимеревского могильника, содержащем остатки женского трупоположения с бронзовыми и позолоченными фибулами, выявлен фрагмент ключа к навесному замку. В кургане 123 указанного некрополя выявлены следы женского сожжения с бронзовой односкорлупной овальной фибулой и ключом к кубическому замку с плоской лопастью, имеющей незавершенный периметр (Фехнер, 1961. Рис. 32). Оба погребения скандинавские, датируются первой половиной X в. (Фехнер, 1963. С. 15, 104).

В целом общий бытовой характер указанных вещей и очень широкая распространенность по Северной Европе указывают на то, что они не поддаются этническому определению, так же как, например, ножи и калачевидные кресала (Клейн и др., 2009. С. 151).

Представляется, что относить замки и ключи к норманнскому кругу древностей можно только в том случае, если они были найдены в закрытых комплексах с характерным для викингов погребальным обрядом и соответствующим инвентарем.

Б.А. Колчин полагал, что замки и ключи были широко распространены в древнерусском городе и в деревне уже в IX–X вв., отмечая их находки и при раскопках погребальных памятников (1953. С. 177), хотя, как показывают материалы археологических исследований ранних напластований древнерус-

ских поселений, находки рассматриваемых изделий в этот период немногочисленны.

При этом замки и ключи, происходящие из достоверных комплексов, датирующихся IX в., на территории Древней Руси зафиксированы только при раскопках Земляного городища Старой Ладogi. Заметно увеличивается количество находок замков и ключей в древнерусских городах, городищах и селищах лишь со второй половины X в. В этот период доминируют ключи от навесных замков с плоской прямоугольной лопастью и завершенным периметром, появляются цилиндрические висячие замки с T-образной прорезью на корпусе и относящиеся к ним ключи с плоской круглой лопастью, объединенные Б.А. Колчиным в тип А (1959. С. 80). Среди нутряных замков появляются более сложные и надежные комбинированные замки, в которых используются железные и стальные детали.

Изделия рассматриваемой категории вещей, происходящие из древнерусских поселений, синхронны аналогичным изделиям из погребений. Среди древнерусских некрополей наибольшее количество замков и ключей зафиксировано в курганах Тимеревского могильника (6 замков и 15 ключей) (Недошивина, 1963. С. 53–55) и Гнездова (5 замков и 23 ключа) (Кудрявцев, 2013. С. 129).

В Гнездове раскопано около 1300 насыпей, но достоверная выборка основывается на материале из 793 погребений (Пушкина и др., 2012. С. 245, 246). Замки и ключи найдены в 24 курганах. Доля погребений с ключами составляет примерно 3%. В Тимеревском могильнике, в котором изучено не менее 472 насыпей (Недошивина, Зозуля, 2012. С. 181), замки и ключи обнаружены в 20 курганах (4,2%). В некрополях Киева (168 комплексов) найдены один замок с цилиндрическим корпусом в разрушенном захоронении и два ключа в камерных погребениях (Ивакин, 2011. С. 262, 276).

В Бирке 92 ключа были обнаружены в 75 курганах, что составило 7% от общего числа исследованных погребений (Ulthielm, 1989. P. 122). В прусском могильнике Клиновка 1 (Ирзекапинис) найдено три замка и девять ключей в девяти погребениях с трупосожжениями – 7,6% от общего числа (118) исследованных захоронений (Кулаков, 1999. С. 215).

Замки и ключи зафиксированы в мужских и женских погребениях, эти изделия встречаются как в курганах с невыразительным и довольно бедным погребальным инвентарем, так и вместе с изделиями, характеризующими высокий социальный статус погребенного. Доля погребений, где были

зафиксированы ключи вместе с вещами скандинавского круга древностей, незначительна.

Основываясь на данных этнографии, Н.А. Макаров полагал, что большинство находок ключей и замков в курганах следует интерпретировать как свидетельства совершения различных магических обрядов, в том числе ритуального замыкания умершего на месте погребения. И в первую очередь в случаях, когда эти изделия встречены в погребении при отсутствии большого набора бытовых вещей (Макаров, 1981. С. 262).

Представляется, что в рассматриваемый период (конец IX – начало XI в.) ключи и замки выступали скорее как символы богатства и благосостояния погребенного, в какой-то мере заменяя ларцы, находки которых и в Скандинавии считаются признаком высокого социального статуса. Косвенно это объясняет тот факт, что в погребения помещали в основном ключи от навесных замков, которые, исходя из их миниатюрных размеров, в это время могли использоваться только как запоры сундуков. Большое количество ключей в женских погребениях, по всей видимости, связано с тем, что ключ также служил и символом полноправной хозяйки, хранительницы очага.

Наделение ключей и замков какими-либо магическими свойствами, возможно, связано с более поздним временем, о чем свидетельствуют их находки в жертвенных комплексах XII–XIII вв., когда эти изделия распространяются повсеместно и теряют свое значение как некие символы благосостояния.

Жертвенный комплекс, открытый при раскопках могильника Горка в Восточном Прионежье, конца XII – середины XIII в., представлял собой яму, в заполнении которой на уровне дневной поверхности было обнаружено скопление камней и шлаков. На этом же уровне найдены запертый кубический замок типа А и цилиндрический типа В. Под камнями выявлено скопление костей животных: пять скелетов собак и пять скелетов птиц. Н.А. Макаров интерпретировал комплекс как языческое жертвоприношение и датировал его концом XII – началом XIII в., отмечая, что замки были использованы для совершения над ямой ритуального “замыкания” – нейтрализации злых сил (Макаров, 1987. С. 78).

В могильнике Минино II (XI–XII вв.) в заполнении одной из ям были расчищены кости животных, в том числе зубы крупного рогатого скота и запертый замок типа Б (Макаров, Зайцева, 2007. С. 179), который, вероятно, играл некую сакральную функцию, как и в описанном выше жертвенном комплексе.

Помимо этого в ряде древнерусских кладов, обнаруженных в Киеве, зафиксированы находки замков (30, 77, 91, 98, 103, 125 – по: Корзухина, 1954. С. 17, 18, 90, 91, 115, 118, 120–122). Только один из этих кладов (№ 30) датирован XI – началом XII в. Остальные – временем между 70-ми годами XII в. и 1240 г. Очевидно, что замки имели магическое значение при сокрытии этих кладов.

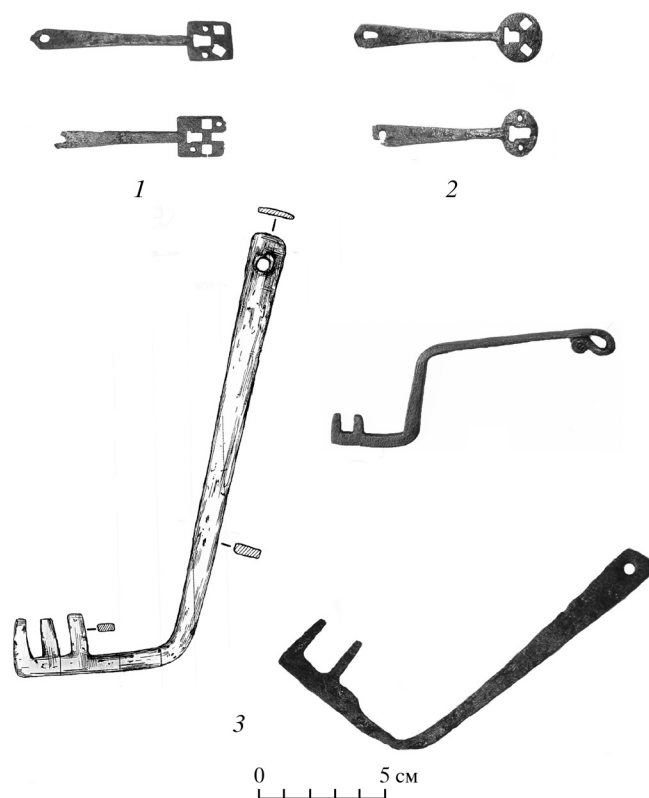
По всей видимости, именно в этот период (XII–XIII вв.) и начинается активное использование рассматриваемых изделий при проведении всевозможных магических, свадебных и погребальных обрядов. Косвенно об этом свидетельствуют данные по этнографии славянских народов (Славянские древности, 1999. С. 263, 264, 511, 512). В X–XI вв. эти изделия на территории Древней Руси были еще не так широко распространены, чтобы настолько основательно стать частью каких-либо магических ритуалов. Как было показано выше, находки их в древнерусских могильниках совсем немногочисленны, а порой носят и единичный характер.

Р.Л. Розенфельдт полагал, что замки и ключи начали производить на Руси уже в X в. (1953. С. 34), но следы замочного производства на территории Древней Руси в рассматриваемый период не обнаружены. При этом замки и ключи изготавливали в Хельго, а в Бирке выявлены глиняные матрицы с отпечатками корпусов кубических замков, свидетельствующие о специализированном изготовлении запирающих устройств этого типа (Gustafsson, 2005. P. 21, 22).

Если изготовление коленчатых ключей с зубцами (только ковка) было довольно универсальным и не столь трудоемким процессом, то производство кубических замков с их сочетанием железных и стальных деталей требовало применения ряда сложных технологических приемов (пайка с использованием медного припоя).

Возможно, какая-то часть замков и ключей этого типа могла попасть в древнерусские торгово-ремесленные поселения посредством импорта или же они изготавливались на месте по скандинавским образцам.

Необходимо отметить, что Скандинавия – не единственный регион, откуда могли прийти на территорию Древней Руси традиции изготовления замков и ключей. Высокий уровень производства этих изделий был достигнут и в Византийской империи, где замочное ремесло продолжало традиции Римской империи с ее многообразием форм и типов замков и ключей. Однако никакого южного влияния в изготовлении древнерусских замков не наблюдается. Замки и ключи, происходящие из

Рис. 3. 1 – ключи к навесным кубическим замкам с Т-образной прорезью; 2 – ключи к навесным цилиндрическим замкам с Т-образной прорезью; 3 – ключи с зубцами к нутряным замкам. Новгород. X в.

византийских слоев Коринфа (Davidson, 1952. P. 71, 72) и Херсонеса (Третеский, 1911. С. 131–133), совершенно отличны от бытовавших на территории Древней Руси изделий этой категории вещей.

Замки и ключи византийского происхождения представлены на территории Руси единичными экземплярами – всего два зооморфных замка в виде коньков и шесть бронзовых ключей, датирующихся X–XII вв. Единичные находки подобных изделий не связаны с импортом, а, по всей видимости, свидетельствуют о присутствии выходцев из Византии на территории Древней Руси. Схожая ситуация фиксируется и в последующее время, когда древнерусское замочное ремесло развивалось всецело в русле северо-европейских традиций. В ряде древнерусских городов (Старая Рязань, Серенск, Белоозеро, Москва) выявлены единичные экземпляры бронзовых зооморфных замков болгарского происхождения в виде лошадок и бычков, датирующихся XII–XIII вв. (Полубояринова, 1993. С. 105).

Традиция изготовления бронзовых зооморфных замков в Волжской Болгарии была заимствована из Крыма или Средней Азии. Впоследствии она значи-

тельно эволюционировала, поскольку болгарские образцы заметно отличаются от причерноморских.

Первые замки и ключи на территории будущего Древнерусского государства зафиксированы в Старой Ладoge в напластованиях, относящихся ко второй половине VIII в. С первой половины X в. замки и ключи распространяются на остальной территории Руси, их немногочисленные находки отмечены главным образом на торгово-ремесленных поселениях, где отчетливо прослеживается деятельность скандинавов.

В первой половине X в. эти изделия встречаются в курганах с преимущественно скандинавскими погребениями, а во второй половине X в. – в захоронениях, которые по погребальному инвентарю и погребальному обряду интерпретируются как славянские.

Находки рассматриваемых изделий на поселениях немногочисленны, в этот период замки и ключи еще не так широко применялись в хозяйстве древнерусского населения. Например, в Изборске из нижнего слоя с лепной керамикой (верхняя дата которого – середина X в.) происходят только один навесной кубический замок, два ключа типа А и два ключа к нутряным замкам с зубьями (Седов, 2007. С. 266).

В Новгороде на территории двух исследованных участков Людина и Неревского концов найдено 6 замков и 32 ключа в напластованиях, датирующихся второй четвертью/серединой–концом X в. (рис. 3, 1–3).

Начало использования замков и ключей на территории Древней Руси – часть процесса формирования древнерусской материальной культуры. И в северо-западных землях, и на юге Руси использовались одни и те же формы замков и ключей, идентичные северо-европейским аналогам.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голубева Л.А., Кочуркина С.И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск, 1991. 196 с.
- Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: Индик, 2004. 592 с.
- Ивакин В.Г. Киевские погребения X в. // Древности антов. СПб.: Высшая антропологическая школа, 2011 (Stratum plus; № 5). С. 243–287.
- Клейн Л.С., Лебедев Г.С., Назаренко В.А. Норманнские древности Киевской Руси на современном этапе археологического изучения // Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009. С. 143–171.

- Колчин Б.А.* Черная металлургия и металлообработка в Древней Руси. Домонгольский период. М.: Изд-во АН СССР, 1953 (МИА; № 32). 258 с.
- Колчин Б.А.* Железоделательное ремесло Новгорода Великого // Тр. Новгородской археологической экспедиции. Т. II / Ред. А.В. Арциховский, Б.А. Колчин. М.: Изд-во АН СССР, 1959 (МИА; № 65). С. 7–121.
- Корзухина Г.Ф.* Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1954. 157 с.
- Кочуркина С.И.* Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск: Изд-во Карельского филиала АН СССР, 1989. 345 с.
- Кудрявцев А.А.* Замки и ключи из курганов Гнездова // Новые материалы и методы археологического исследования. Мат-лы конф. / Ред. В.Е. Родинкова, А.Н. Федорина. М.: ИА РАН, 2013. С. 129–130.
- Кулаков В.И.* Ирзекапинис // Неславянское в славянском мире. СПб.: Высшая антропологическая школа, 1999 (Stratum Plus; № 5). С. 211–274.
- Лебедев Г.С.* Эпоха викингов в Северной Европе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1985. 529 с.
- Леонтьев А.Е.* Археология мери. М.: Геоэко, 1996. 340 с.
- Магомедов Б.В.* Черняховская культура. Проблема этноса. Люблин: Изд-во ун-та М. Кюри-Склодовской, 2001. 276 с.
- Макаров Н.А.* Опыт реконструкции погребальных обрядов X–XIII вв. [Рукопись]: дипломная работа. М., 1978. 91 с.
- Макаров Н.А.* Магические обряды при сокрытии клада на Руси // СА. 1981. № 4. С. 261–265.
- Макаров Н.А.* Жертвенный комплекс конца XII – начала XIII в. на Каргополье // КСИА. 1987. Вып. 190. С. 73–80.
- Макаров Н.А., Зайцева И.Е.* Мининский археологический комплекс: погребальные памятники // Археология Севернорусской деревни X–XIII веков. Т. 1 / Ред. Н.А. Макаров. М.: Наука, 2007. С. 130–185.
- Недошивина Н.Г.* Предметы бытового назначения // Ярославское Поволжье X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А.П. Смирнов. М., 1963. С. 51–55.
- Недошивина Н.Г., Зозуля С.С.* Курганы Ярославского Поволжья // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 178–194.
- Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 119 с.
- Пушкина Т.А.* Скандинавские вещи из Гнездовского поселения // СА. 1981. № 3. С. 285–291.
- Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Енисова Н.В.* Гнездовский археологический комплекс // Русь в IX–XI веках: археологическая панорама / Ред. Н.А. Макаров. М.; Вологда: Древности Севера, 2012. С. 242–274.
- Розенфельдт Р.Л.* Русские замки домонгольского времени // КСИИМК. 1953. Вып. XLIX. С. 32–39.
- Рябинин Е.А.* Исследования в Старой Ладогe // АО 1984 г. М.: Наука, 1986. С. 24–25.
- Седов В.В.* Происхождение и ранняя история славян. М.: Наука, 1979. 155 с.
- Седов В.В.* Изборск в раннем средневековье. М.: Наука, 2007. 424 с.
- Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Т. 2 / Ред. Н.И. Толстой. М.: Международные отношения, 1999. 702 с.*
- Третеский Н.И.* О древних херсонесских замках и ключах // ИАК. Вып. 42. СПб.: Тип. главного управления уделов, 1911. С. 127–133.
- Фехнер М.В.* Раскопки Тимеревского курганного могильника в 1961 г. // Архив ИА РАН. 1961. Р-1. № 23356.
- Фехнер М.В.* Тимеревский могильник // Ярославское Поволжье в X–XI вв. по материалам Тимеревского, Михайловского и Петровского могильников / Ред. А.П. Смирнов. М., 1963. С. 5–20.
- Arbman H.* Birka I. Die Gräber. Stocholm, 1943. 282 taf.
- Czarnecka K.* Padlocks in the przeworsk and the chernyakhov cultures in the late Roman period, as an evidence of mutual contacts // Inter ambo maria. Northen Barbarians from Scandinavian towards the Black sea. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publ. house, 2013. P. 69–83.
- Davidson G.* Corinth. V. XII. Princeton: The Am. school of classical studies at Athens, 1952. 359 p.
- Gustafsson B.* On Norse padlocks – production and use // J. of Nordic Archaeol. Sc. 2005. № 15. P. 19–24.
- Holmqvist W., Arrhenius B., Lundstrom P.* Excavations at Helgö I. Uppsala, 1961. 240 p., 77 pl.
- Ottoway P.* Anglo-Scandinavian ironwork from 16-22 Coppergate // The archaeology of York. V. 17: The small finds. L.: Council for British Archaeology, 1992. P. 435–735.
- Tomtlund J.-E.* Hänglasen pa Helgö // Fornvännen. 1970. № 65. S. 238–247.
- Tomtlund J.-E.* Locks and keys // Excavations at Helgö. V. V. I. Stockholm: Kungliga Vitterhetsakademien, 1978. P. 3–14.
- Ulfskiöld A.* Schlüssel // Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde. Stockholm: Kungliga Vitterhetsakademien, 1989. P. 122–123.
- Westphalen P.* Die Eisefunde von Haithabu. Neumünster: Wachholtz, 2002. 336 S.

ON THE EMERGING OF LOCKS AND KEYS IN ANCIENT RUS

Andrei A. Kudriavtsev

Institute of Archaeology RAS, Moscow

(a-kudravtsev@yandex.ru)

The emerging of locks and keys on the territory of the ancient Rus state may be referred to the turn of the 9th–10th cc., which is connected with the beginning of the active Slavic-Scandinavian contacts and the process of the Normans settling in the row of trade-handcraft settlements situated along the route of the trade way “from the Varangians to the Greeks” (Novgorod fortified settlement, Gniozdovo). Their earliest finds are from the excavations of the Zemlianoi fortified settlement of Staraya Ladoga and the barrows studied in the Southern-Eastern Ladoga Lake Region (Ust-Rybezno) and Yaroslavl Volga River Region (Timerev burial ground). The finds of the studied items in the settlements are not numerous. Locks and keys were not so widely used in the household of ancient Russian people that period. The beginning of their use on the territory of ancient Rus is a part of the formation process of the ancient Rus material culture and connected with the Northern European impact.

Key words: locks, keys, ancient Rus state, trade-handcraft settlements, burial grounds, burials.

REFERENCES

- Arbman H.*, 1943. Birka I. Die Gräber. Stockholm. 282 ill.
- Czarnecka K.*, 2013. Padlocks in the przeworsk and the chernyakhov cultures in the late Roman period, as an evidence of mutual contacts. *Inter ambo maria. Northern Barbarians from Scandinavian towards the Black sea*. Kristiansand; Simferopol: Dolya Publ. house, pp. 69–83.
- Davidson G.*, 1952. Corinth, XII. Princeton: The Am. school of classical studies at Athens. 359 p.
- Fekhner M.V.*, 1961. Raskopki Timerevskogo kurgannogo mogil'nika v 1961 g. [Excavations of the Timerev barrow cemetery in 1961]. *Arkhiv IA RAN [Archive of IA RAS]*, R-1, 2335b (unpublished).
- Fekhner M.V.*, 1963. Timerevskiy mogil'nik [Timerev burial ground]. *Yaroslavskoe Povolzh'e v X–XI vv. po materialam Timerevskogo, Mikhaylovskogo i Petrovskogo mogil'nikov [Yaroslavl Volga Region in 10th–11th cc. on the materials of Timerev, Mikhailovo and Petrovo burial grounds]*. A.P. Smirnov, ed. Moscow, pp. 5–20.
- Golubeva L.A., Kochkurkina S.I.*, 1991. Belozerskaya ves' (po materialam poseleniya Krutik IX–X vv.) [Belozersk ves' (on the materials of the settlement Krutik of 9th–10th cc.)]. Petrozavodsk. 196 p.
- Gustafsson B.*, 2005. On Norse padlocks – production and use. *J. of Nordic Archaeol. Sc.*, 15, pp. 19–24.
- Holmqvist W., Arrhenius B., Lundstrom P.*, 1961. Excavations at Helgö I. Uppsala. 240 p., 77 pl.
- Ivakin V.G.*, 2011. Kievskie pogrebeniya X v. [Kyiv burials of 10th c.]. *Drevnosti antov [The Antes Antiquities]*. SPb.: Vysshaya antropol. shkola, pp. 243–287. (Stratum plus, № 5).
- Kleyn L.S., Lebedev G.S., Nazarenko V.A.*, 2009. Normannskie drevnosti Kievskoy Rusi na sovremennom etape arkeologicheskogo izucheniya [Norman antiquities of Kyiv Rus at the modern stage of archaeological studying]. *Kleyn L.S. Spor o varyagakh [Argumentation about the Varangians]*. SPb.: Evraziya, pp. 143–171.
- Kochkurkina S.I.*, 1989. Pamyatniki Yugo-Vostochnogo Priladozh'ya i Prionezh'ya [Sites of Southern-Eastern Ladoga Region and Onega Region]. Petrozavodsk: Izd-vo Karel'skogo filiala AN SSSR. 345 p.
- Kolchin B.A.*, 1953. Chernaya metallurgiya i metalloobrabotka v drevney Rusi. Domongol'skiy period [Black metallurgy and metal processing in ancient Rus. Pre-Mongolian period]. Moscow: Izd-vo AN SSSR. 258 p. (Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR, 32).
- Kolchin B.A.*, 1959. Zhelezodelatel'noe remeslo Novgoroda Velikogo [Iron production craft of Velikiy Novgorod]. *Tr. Novgorod. arkeologicheskoy ekspeditsii [Transactions of Novgorod archaeological expedition]*, II. A.V. Artsikhovskiy, B.A. Kolchin, eds. Moscow: Izd-vo AN SSSR, pp. 7–121. (Materialy i issledovaniya po arkeologii SSSR, 65).
- Korzukhina G.F.*, 1954. Russkie klady IX–XIII vv. [Russian hoards of 9th–13th cc.]. Moscow; Leningrad: Izd-vo AN SSSR. 157 p.
- Kudryavtsev A.A.*, 2013. Zamki i klyuchi iz kurganov Gnezdova [Locks and keys from the barrows of Gnezdovo]. *Novye materialy i metody arkeologicheskogo issledovaniya: materialy konf. [New materials and methods of archaeological research: materials of the Conference]*. V.E. Rodinkova, A.N. Fedorina, eds. Moscow: IA RAN, pp. 129–130.
- Kulakov V.I.*, 1999. Irzekapinis [Irzekapinis]. *Neslavianskoe v slavianskom mire [Non-Slavic in Slavic world]*.

- SPb.: Vysshaya antropol. shkola, pp. 211–274. (Stratum Plus; № 5).
- Lebedev G.S., 1985. Epokha vikingov v Severnoy Evrope [The Vikings Epoch in Northern Europe]. Leningrad: Izd-vo Leningrad. gos. univ. 529 p.
- Leont'ev A.E., 1996. Arkheologiya meri [Archaeology of Merya]. Moscow: Geoeko. 340 p.
- Magomedov B.V., 2001. Chernyakhovskaya kul'tura. Problema etnosa [Chernyakhovskaya Culture. The issue of ethnos]. Lyublin: Izd-vo univ. M. Kyuri-Sklodovskoy. 276 p.
- Makarov N.A., 1978. Opyt rekonstruktsii pogrebal'nykh obryadov X–XIII vv.: diplomnaya rabota [Reconstructions of funeral rites of 10th–13th cc.: graduate thesis]. Moscow. 91 p. (unpublished).
- Makarov N.A., 1981. Magicheskie obryady pri sokrytii klada na Rusi [Magical rites during hoard's secretion in Rus]. SA [SA], 4, pp. 261–265.
- Makarov N.A., 1987. Zhertvennyy kompleks kontsa XII – nachala XIII v. na Kargopol'e [Sacrificial complex of the end of 12th – the beginning of 13th cc. in Kargapolje]. KSIA [BCIA], 190, pp. 73–80.
- Makarov N.A., Zaytseva I.E., 2007. Mininskiy arkheologicheskiy kompleks: pogrebal'nye pamyatniki [Mininskiy archaeological complex: funeral sites]. Arkheologiya Severnorusskoy derevni X–XIII vekov [Archaeology of Northern Rus village of 10th–13th cc.], 1. N.A. Makarov, ed. Moscow: Nauka, pp. 130–185.
- Nedoshivina N.G., 1963. Predmety bytovogo naznacheniya [Household articles]. Yaroslavskoe Povolzh'e X–XI vv. po materialam Timerevskogo, Mikhaylovskogo i Petrovskogo mogil'nikov [Yaroslavl Volga Region in 10th–11th cc. on the materials of Timerev, Mikhailovo and Petrovo burial grounds]. A.P. Smirnov, ed. Moscow, pp. 51–55.
- Nedoshivina N.G., Zozulya S.S., 2012. Kurgany Yaroslavskogo Povolzh'ya [Barrows of Yaroslavl Volga Region]. Rus' v IX–XI vekakh: arkheologicheskaya panorama [Rus in 9th–11th cc.: archaeological panorama]. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 178–194.
- Ottoway P., 1992. Anglo-Scandinavian ironwork from 16-22 Coppergate. *The archaeology of York, 17. The small finds*. London: Council for British Archaeology, pp. 435–735.
- Poluboyarinova M.D., 1993. Rus' i Volzhskaya Bolgariya v X–XV vv. [Rus and Volga Bulgaria in 10th – 15th cc.]. Moscow: Nauka. 119 p.
- Pushkina T.A., 1981. Skandinavskie veshchi iz Gnezdovskogo poseleniya [Scandinavian articles from Gnezdovo settlement]. SA [SA], 3, pp. 285–291.
- Pushkina T.A., Murasheva V.V., Eniosova N.V., 2012. Gnezdovskiy arkheologicheskiy kompleks [Gnezdovo archaeological complex]. Rus' v IX–XI vekakh: arkheologicheskaya panorama [Rus in 9th–11th cc.: archaeological panorama]. N.A. Makarov, ed. Moscow; Vologda: Drevnosti Severa, pp. 242–274.
- Rozenfel'dt R.L., 1953. Russkie zamki domongol'skogo vremeni [Russian locks of Pre-Mongolian time]. KSIIIMK [BCIIMC], XLIX, pp. 32–39.
- Ryabinin E.A., 1986. Issledovaniya v Staroy Ladoge [Researches in Staraya Ladoga]. Arkheologicheskie otkrytiya 1984 g. [Archaeological discoveries in 1984]. Moscow: Nauka, pp. 24–25.
- Sedov V.V., 1979. Proiskhozhdenie i rannaya istoriya slavyan [Origin and early history of the Slavs]. Moscow: Nauka. 155 p.
- Sedov V.V., 2007. Izborsk v rannem srednevekov'e [Izborsk in early Middle Ages]. Moscow: Nauka. 424 p.
- Slavyanskie..., 1999. Slavyanskie drevnosti. Etnolingvistiicheskiy slovar' [Slavic Antiquities. Ethnolinguistic Dictionary], 2. N.I. Tolstoy, ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. 702 p.
- Tomtlund J.-E., 1970. Hänglasen pa Helgö. *Fornvännen*, 65, pp. 238–247.
- Tomtlund J.-E., 1978. Locks and keys. *Excavations at Helgö*, V/ I. Stockholm: Kungliga Vitterhetsakademien, pp. 3–14.
- Treteskiy N.I., 1911. O drevnikh khersonesskikh zamkakh i klyuchakh [On the ancient Chersonese locks and keys]. *Izvestiya arkheologicheskoy komissii [Bulletin of archaeological committee]*, 42. SPb.: Tip. glavnogo upravleniya udelov, pp. 127–133.
- Ulfhielm A., 1989. Schlüssel. *Birka II: 3. Systematische Analysen der Gräberfunde*. Stockholm: Kungliga Vitterhetsakademien, pp. 122–123.
- Westphalen P., 2002. Die Eisefunde von Haithabu. Neumünster: Wachholtz. 336 p.
- Zakharov S.D., 2004. Drevnerusskiy gorod Beloozero [Ancient Rus village Beloozero]. Moscow: Indrik. 592 p.